

Линия отрыва / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Линия отрыва / рассказ ЛИНИЯ ОТРЫВА

Он рассматривает ее расплывающиеся самодельные татуировки, уходящие под одежду, и смеется. Говорит: «Синие, прямо как у зеков. Сейчас заработаю, и надо будет перебить».

У нее на руках царапины от ножей, от бритвенных лезвий, рваные – будто от консервных банок. «Меня успокаивает боль», – говорит Алина и отодвигается, закрывается, сворачивается как зверек. Ей шестнадцать.

Гаражи тянутся над краем обрыва, вдоль железки. Если забраться на крышу, видно мост и реку, и можно долго гулять, перепрыгивая с одного гаража на другой. Днем здесь почти всегда никого, стальные листы грохочут под ногами, после дождя скользят, в жару обжигают голые ступни.

Гараж остался от деда. Ваня с детства наблюдал, как старик перебирал свою «копейку». В гаражах дед пропадал днями и ночами – там и умер. Ванина мать машину сдала в утиль, а гараж решила продать. Пару месяцев он срывал материнские объявления о продаже по всему району, перевез от друга пыльный диван и практически поселился в гараже.

Дед появляется иногда – Ваня видит его краем глаза, – читает газету, сидя на солнце, рассматривает мопед внука, который не застал, даже пытается ковыряться в двигателе, тихо матеря «узкоглазых чертей».

Утром Ваня и Алина умываются из шлангов, врезанных в водопроводные трубы. Он поливает ее ледяной водой, она кричит и смеется, задыхаясь от напора воды и холода. На вопросы, откуда ее синяки, ушибы, следы пальцев на руках, Алина говорит: упала, ударилась, ты слишком сильно схватил. Но Ваня не хватал, это он помнит точно.

Шпильки Алины вязнут в песке, когда она идет к нему, машинально повторяя заученные предложения на английском. Мать наняла репетитора, чтобы Алина в отличие от нее поступила в

вуз. У матери доля в магазине штор на первом этаже их дома, поэтому в своем районе она считается зажиточной предпринимательницей, выше – только директора продуктовых.

Вода из горячего шланга охряная, из холодного – просто желтая. Ваня наливает кружку холодной воды и прикидывает, можно ли ее пить. Можно ли ее прокипятить? Алина думает: можно ли сварить с ней суп? Ржавая вода в старых домах сопровождает их всю жизнь, она будто следует за ними, находит путь по сообщающимся трубам.

Ваня показывает ей свой шрам – глубокую реку с расходящимися от неё ручьями, через всю грудь и живот, – уходящий вниз, под ремень, и говорит: «Шесть ножевых». Алина смеется недоверчиво: «Да ладно, не верю, за дуру меня держишь? Что я, ножевых не видела?». Ваня опускает глаза и смущенно признается: «Это мне селезенку отбили, вообще-то после такого не выживают, мне ее удаляли, еле откачали». Алина ведет по шраму вниз сначала пальцами, потом продолжает языком, так быстро и умело расстегивает ремень, что он замирает и задумывается: «А сколько было до меня?». Но мысли быстро пропадают из Ваниной головы, остается только потолок гаража, неудобный диван, пружины которого впиваются в голую спину и бока, пробор с отрастающими русыми корнями. Высматривая Алину на переменах, он так часто представлял ее голову внизу, между его ног, что происходящее кажется ему сном. Он лежит, боясь спугнуть, проснуться, пошевелиться лишней раз, и только когда последняя мысль уходит и в глазах начинают расплываться красные всполохи от заката, видного в круглом вентиляционном окошке гаража, выдыхает.

Алина прыгает на продавленном диване, босые ступни проваливаются в щели расходящегося от старости поролона, постеленного на жесткую панцирную сетку. У нее перехватывает дыхание, ей весело, она то валится на подушки, то допрыгивает до потолка, касаясь его руками. На ее ладонях остаются куски зеленой краски. Придя домой, Алина несет их собой в кровать, и они собираются в складках простыни.

У матери в магазине телевизор выключают только на ночь: она смотрит все, начиная с первых новостей и ток-шоу и заканчивая

турецким сериалом или концертом в честь очередного государственного праздника. Алине приходится по несколько раз переспрашивать, мать почти не замечает ее.

Алина зубрит неправильные глаголы, они даются ей тяжелее всего, она каждый раз с ужасом ждет конца занятия, когда репетитор начнет гонять ее по длинным столбикам слов.

«Ты куда собралась поступать? В МГИМО, что ль?» – спрашивает Алину подруга матери.

«В пед? Около вас? Совсем зазнается теперь девка, – говорит потом подруга, – тебя перестанет за человека считать, без высшего образования-то. Зря ты ее туда отдала. Кем она будет, училкой в школе? Замуж не выйдет, эх-х-х».

Мать Алины гладит ее студенческий, рассматривает синюю печать. «Первый курс, приняли, приняли на очное, бюджет, первый курс». Алина первая в семье, ни у кого до этого не было высшего: бабушка была неграмотной, дед закончил вечернюю школу, отец – литейно-механический технарь, мать вышла замуж сразу после школы. Мать думает: «Дочь-оторва будет учительницей в школе, англичанкой», тянет про себя: «англича-а-а-н-ка», как тянули насмешливо ее одноклассницы-дурехи.

Они просыпаются от сирен, треска, грохота, от едкого дыма, проникающего в гараж. Алина распутывает волосы, он шарит в поисках одежды, они одеваются и забираются на крышу посмотреть, что происходит. Один за другим, огонь охватывает пустующие этажи автомобильного завода. Дед тоже вылезает на крышу, впервые на Ваниной памяти, до этого он только гонял оттуда детей. Они смотрят на пожар, как в костер, замороженно, вздрагивая, когда что-то взрывается – может, случайная канистра с оставшимся на дне керосином, маслом, тормозной жидкостью. Пожарные работают всю ночь.

Утром приезжают экскаваторы и сгребают дымящийся кирпич, стекло и бетон в огромные кучи, давят под колесами то, что не забрал огонь. На блестящих тонированных машинах приезжают крепкие ребята в кожаных куртках с перстнями-печатками на пальцах. В цеха они не заходят, стоят у ворот, разговаривают по телефонам с антеннами, размахивают руками. О чем говорят – не слышно, слишком далеко, да и ветер в другую сторону.

Кожаные оглядывают округу, провожают взглядами поезд, который вдруг очень громко гудит, будто пытается их отогнать, и тогда их взгляды доползают до гаражей на кромке бывшего завода. Алина ежится, несмотря на наступающую жару, и говорит ему: «Пошли отсюда, мне страшно».

Их общая компания – одноклассники, дворовые друзья – узнают о том, что они вместе, когда Алина впервые надевает Ванину красную толстовку. Самая обычная, купленная в переходе, она защищает ее от лишних липких взглядов, чужих рук, предложений выпить, навязчивых звонков и сообщений. Ваня начинает чувствовать ответственность за ее безопасность, это новое для него чувство, сродни родительскому. Каждый день он встречает ее со станции и провожает домой. Если он не будет провожать ее вечером, это будет делать кто-то другой. Они целуются в подъезде, на лестничной клетке, их губы болят и покрываются синяками, она всегда стремится задержать его подольше и, поднимаясь к себе, говорит: «Надеюсь, отчим уже уснул».

У них появляются свои привычки. У каждого своя половина дивана, она выдавливает его прыщи на спине, он по утрам греет воду в тазу на электроплитке, когда горячую отключают: знает, что Алина не любит мыться холодной, но утром настолько ленива, что скорее сполоснется из шланга, чем станет возиться с тазом сама. Алина подметает бетонный пол, выбивает подушки дивана, стирает плед, которым они накрывают диван. Пока плед сушится на протянутой от забора до крыши гаража веревке, Ваня рассматривает грузовики, вывозящие в контейнерах мусор, и задумывается о медных проводах, которые тянутся по крышам от одного здания к другому: их почему-то до сих пор никто не срезал. Он прикидывает, сколько они могут стоять, строит маршрут, как в компьютерной игре, прикидывая на глаз, где можно перепрыгнуть, запоминая, где остались лестницы, а где слишком далеко до другой крыши.

Ночью он просыпается от того, что у нее дергается нога, он гладит ее по спине, пока она не засыпает крепче. Иногда, когда он будит ее среди ночи, она вздрагивает и пытается его оттолкнуть, поэтому он знает, что нужно быть аккуратным и нежным. Он встает, одевается, берет дедовский старый фонарь и

выходит. Дед провожает его взглядом, и он кивает ему на прощание. Ваня вырос на историях, как рабочие выносили что-то с завода. Его дед даже отсидел за продажу бензина и за обедом любил рассказывать, хитро прищурившись, как выносил листы железа, обмотав их вокруг ноги. «Откуда, как ты думаешь, у нас это ведро?». Поэтому никаких угрызений совести, пока забирается по аварийной лестнице на крышу котельной и перекусывает первый провод кусачками, Ваня не испытывает. Того, что провод окажется таким тяжелым и хлестнет его поперек груди, выбивая весь воздух из легких, он не ожидает и от боли отпускает руки.

В их районе прорывает канализационную трубу, тянущуюся через весь город к ним, на юго-восток, и у них отключают электричество. Алина сидит на крыше гаража одна и смотрит, как останавливаются на трассе заливаемые нечистотами машины, как босые люди идут по обочинам, закатав штанины и подоткнув юбки. Пассажиры выходят из остановившейся электрички и идут по путям назад, в сторону станции, поскользываясь на мокрых камнях. Она думает, что если кто-то утонет здесь, то его не сразу найдут, и что ее сейчас стошнит от запаха, и слезает вниз, но тошнит ее не поэтому.

Месячные не приходят в срок, и скудная кровь только размазывается по бедрам, она думает: «Этого не может быть. Только не со мной». Утром Алине не хочется есть, она не может заставить себя поесть и, пока идет на первую пару, сглатывает желчь. На парах сидит сонная, следит за пылинками, которые вьются в столбе света. Преподаватели ругают ее за невнимательность, когда им приходится повторять вопрос.

Она приходит в гаражи каждый день и ждет. Сначала она не знает, что скажет ему. Она разрывается между желанием ничего не говорить и рассказать сразу все. Ей одновременно и страшно, и стыдно. Через пару дней она начинает плакать и плачет, как ребенок, пока не наступает обезвоживание, – у нее болит голова, ее мучают одновременно икота и тошнота. Попробайся она сейчас ему все объяснить – не смогла бы. Наконец она начинается злиться на него: он никогда так надолго не пропадал, она придумывает себе, что он все знает и именно

поэтому не приходит. Но видно, что он не появлялся: его куртка висит на том же месте, нет ни мокрых следов, ни засохшей грязи. И заначка от продажи дедовских инструментов тоже на месте, за обшивкой, в дальнем углу от входа, она проверяет ее каждый день. Она думает, идти к нему домой или нет, но решает, что всё ясно и так. Снимает его толстовку и оставляет на диване, выходя, запирает гараж на амбарный замок, ключ кладет на обычное место – в распределительную коробку.

Приходя домой, она старается проскользнуть в свою комнату как можно тише. Аля знает, как скрипят все паркетины, и наступает то пяткой, то носком, пережидает, услышав скрип или шорох из комнаты матери и отчима. В своей комнате она сразу закрывается на щеколду.

Сегодня ей не удастся пробраться незамеченной: у них гости. Она с порога понимает, что пьянка в разгаре. Дядя Толик в тысячный раз рассказывает про ваучеры, тетя Таня жалуется на сына: не помогает, женился на «чернявой» и съехал к ее большой семье. И мать начинает хвалиться. Алину зовут на кухню, ко всем, отчим сидит, как обычно, в самом удобном углу у холодильника, напротив маленького телевизора с антенной. Алина кидает быстрый взгляд на отчима – сегодня, может быть, обойдется: он в благостном настроении.

Алина годами не ходила на физкультуру, чтобы не раздеваться при всех, – поддерживала образ оторвы, но в конце четверти и перед каждым торжественным мероприятием в спортзале приходила к физруку убираться и драить пол серо-коричневой тряпкой, оттирала растворителем пятна краски от неаккуратного ремонта. Одноклассникам Алина говорила, что физруку она «заносит», и это сразу ставило ее выше других: денег ни у кого не было.

Гости уходят, мать засыпает, и отчим зовет Алину из-за двери, прося открыть, потом начинает ломиться. Петля щеколды с каждым ударом отходит от косяка.

Мать, очнувшись от пьяного сна, бредет по длинному коридору и, заглянув в открытую комнату дочери, начинает кричать. Алина моется в ванной. Милиция на вызов приезжает быстро – из опорного пункта в соседнем доме. Бьющейся в истерике матери вызывают скорую – ей делают укол, констатируют смерть отчима

от бытовой травмы. Алину допрашивает знакомая ей по разборкам насчет школьных краж инспектор по делам несовершеннолетних. Она отвечает спокойно, в конце концов замолкает и неподвижно сидит на табурете в одном полотенце. Инспектор рассматривает ее синяки, затем выходит и приносит ей первую попавшуюся одежду – штаны матери и рубашку отчима. Рубашку Алина бросает на пол, встает и надевает штаны, и становится виден ее намечающийся живот. Инспектор запирает дверь на кухню, пишет показания за нее, дважды зачитывает их, делая акцент на отдельных словах. Алина отрывает глаза от пола, кивает и подписывает.

Ваня лежит, заливаемый водой из канализации, и его тело покрывается очистками и остатками непереваренной пищи. Потом его заносит копотью, гарью и строительной пылью от завода. Строители, которые сносят здания, не замечают его, и тело уходит все глубже и глубже в грунт, его засыпают песком, щебнем и, наконец, закатывают асфальтом. Он иногда сидит в гараже на разложенном диване и слушает, как ворчит дед, отбирающий у бродячей собаки недогрызенную кость, которую кинули ей с обеда строители. «Нечего, нечего», – бормочет дед, – «развелось вас тут». А иногда Ваня гуляет вдоль путей, заглядывая в окна стоящих на перегоне поездов. Он отражается, множится в слоеных окнах и через открытые форточки чувствует запахи поездной жизни – лапши, отбеливателя, пота и душных, беспокойных снов.

Ее сын идет в школу, место ему едва достается: в классе по тридцать, а то и сорок человек. На их улице появляются билборды с рекламой нового жилого комплекса – броское название, жизнеутверждающие слоганы, улыбающиеся лица. Алина находит в интернете адрес ЖК, изучает планировки и вдруг узнает местность. Она с недоверием смотрит на железку и далекую реку на фотографиях видов из окон, разглядывает гаражи на обрыве, похожие на заплатки разных цветов – от коричневого до ярко-зеленого. Она никогда не видела их гаражи с этого ракурса.

Муж говорит ей: «Давай перебираться ближе к центру, надоело

стоять в пробках». Его бизнес по продаже автоэмалей идет в гору, он нанимает маляров и шлифовщиков и открывает несколько покрасочных камер в бывших гаражах на окраинах города. Ее английский пригождается, она переводит каталоги и прайс-листы, делает заказы, договаривается с индийскими и китайскими поставщиками. Муж планирует расширяться, продавать запчасти и поэтому хочет переехать в город. Только ему Алина рассказывает все про свое детство и юность, через несколько лет после свадьбы, беременная вторым ребенком. Муж запрещает ей ездить на кладбище к отчиму и не разрешает их детям общаться с бабушкой.

Ржавая вода наполняет ванну в новостройке, когда она открывает кран, чтобы искупать второго ребенка. Вода красит белую полиэтиленовую занавеску в желтый так, что через месяц ее можно выбрасывать. Алина просит мужа купить новые фильтры, а пока заматывает краны марлей – когда она снимает эти повязки, находит внутри красных червячков. Ночью она представляет себя лежащей на пледе на продавленном диване и крышу гаража вместо подвесного потолка квартиры – только так ей удастся кончить. Алина гуляет с коляской по дорожкам жилого комплекса, объезжает дыры: весной плитку ведет, она плывет прямо под ногами. От бывшего завода остался старый кирпичный забор, который отделяет жилой комплекс от железки, и дойти до него и обратно становится ее любимым маршрутом.

Алина переходит железную дорогу и поднимается по обрыву вверх, хватаясь за тонкие хлесткие ветки и пучки травы. Она помнит, где находится лаз в гаражи, но он оказывается заваренным. Ей приходится обходить почти три километра по краю обрыва, разбитой дороге, камням и пустырю. «Есть места, в которых ничего не меняется», – думает Алина, спотыкаясь и поскользываясь на грязи. Она проходит мимо охраны, просто кивнув, они провожают ее ленивыми, осоловелыми взглядами. Его гараж она находит быстро, ее тело помнит, куда идти и какой его гараж по счету. Алина достает ключ из распределительного щитка и вставляет его в заржавевший амбарный замок, уже чувствуя, что увидит. Она нажимает на ключ, преодолевая сопротивление, ей приходится несколько раз ударить замок о

дверь, чтобы ключ провернулся. Наконец она снимает его и открывает севшую дверь, которая прочерчивает борозду в асфальте, оставляя след из хлопьев краски. Алина шагает внутрь.

Первое, что она различает, – красная толстовка там же, где она ее оставила. Алина проводит пальцами по подлокотнику дивана, и на ее руках остается маслянистый слой пыли и копоти. Она ищет тряпку, чтобы вытереть руку, но все вокруг покрыто слоем грязи. Алина нащупывает и отковыривает лист обшивки в дальнем углу и находит деньги. Потом залезает на крышу гаража и смотрит как в окна новостроек зажигается свет. Ее телефон начинает вибрировать, но она сбрасывает. Она дожидается, пока Ваня садится рядом, и кладет голову на его колени.

Об авторе: АННА ШИПИЛОВА

Прозаик. Родилась в Москве. Окончила ВГИК им. Герасимова. Рассказы публиковались в сборнике издательства «Эксмо» «Мой самый второй: шанс изменить все», на платформе Ридеро в сборниках рассказов «Суздаль», «Красный Яр» серии литературных путеводителей «Это моя земля». Некаýalar